

На правах рукописи

Абдуллаева Светлана Наримановна

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РОМАНЕ В. ГРОССМАНА
«ЖИЗНЬ И СУДЬБА»

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Махачкала

2022

Работа выполнена на кафедре русской литературы филологического факультета
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Дагестанский государственный университет»

Научный руководитель:

Мазанаев Шабан Абдулкадырович – доктор филологических наук, декан филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дагестанский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Ничипоров Илья Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Бит-Юнан Юрий Геваргисович – доктор филологических наук, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Защита состоится «9» июня 2022 г. в 17.00 на заседании Диссертационного совета Д. 002.209.02 при ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук: www.imli.ru

Автореферат разослан «__» апреля 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

к.ф.н. А.Г. Плотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Книга «Жизнь и судьба» стала центральным событием в творческой биографии Василия Гроссмана. Однако, несмотря на то, что «Жизнь и судьба» получила огромную известность, изучение романа только набирает обороты.

В работе предпринята попытка исследования разных уровней произведения – от жанровой организации до поэтики – для определения авторской позиции как единой философской, эстетической системы. В свете неослабевающего интереса к темам «человек и государство», «свобода и ответственность», «добро и способы расчеловечивания» и т. д., актуальность настоящего исследования представляется очевидной.

Степень разработанности проблемы. Ключевыми для понимания «Жизни и судьбы» стали исследования следующих авторов: А.Г. Бочарова, Б.А. Ланина, М.Н. Липовецкого, Л.А. Колобаевой, С.И. Липкина, З.А. Миркиной и Г.С. Померанц, И.П. Золотусского, Л.И. Лазарева, Д.М. Фельдмана, Ю.Г. Бит-Юнана и др. Несомненный интерес представляют документы, мемуарные свидетельства, критические статьи исследователей, опубликованные в сборнике «С разных точек зрения: "Жизнь и судьба" В. Гроссмана»¹, а также сборники статей международных конференций, инициированных Научно-исследовательским центром им. В. Гроссмана в Турине.

Предмет исследования – жанрово-стилевые и иные формы художественного воплощения философской позиции Гроссмана в книге «Жизнь и судьба».

Объект исследования – философские взгляды Гроссмана, воплощенные с помощью определенных художественных средств в романе «Жизнь и судьба».

¹ С разных точек зрения: «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. М.: Советский писатель, 1991. 395 с.

Целью исследования является анализ философской позиции Гроссмана в романе «Жизнь и судьба» посредством изучения различных форм и инструментов ее художественной реализации.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- описать жанрово-типологическую природу книги и особенности индивидуального стиля Гроссмана;
- проанализировать социально-историческую, философскую проблематику «Жизни и судьбы»;
- определить особенности хронотопа;
- исследовать поэтику контрастов в книге Гроссмана;
- выявить своеобразие авторской философской позиции и ее жанрово-стилевых и иных проявлений.

Научная новизна работы заключается в том, что осуществлен комплексный анализ жанровой природы, хронотопа, проблематики, системы образов, изобразительно-выразительных средств романа Гроссмана «Жизнь и судьба»; выявлена универсальная гуманистическая авторская позиция, определяющая специфику всех уровней книги Гроссмана и объединяющая их в единое романное целое; описан ряд художественных средств (повторы, оксюмороны, сравнения, антитезы и др.), воплощающих представление художника о реалиях XX века как о периоде тотального раскола.

Теоретическая значимость работы заключается в описании романа, не только продолжившей традиции классических произведений-предшественников, но и вобравшей особенности современной ей советской эпохи, реалий XX века, с их расколом и потерей эпической целостности.

Практическая ценность результатов исследования состоит в возможном их использовании при разработке курса лекций по истории русской литературы второй половины XX века, при чтении спецкурсов и проведении семинаров по

проблемам советской прозы в высших учебных заведениях гуманитарного направления, а также в старших классах общеобразовательных учреждений.

В ходе работы были использованы следующие **методы**: описательной поэтики, герменевтический, сравнительно-исторический.

Теоретической и методологической основой диссертации стали труды М.М. Бахтина, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотман, Т. Лукача, Е.М. Мелетинского, А.В. Михайлова, Н.Д. Тмарченко, В.Е. Хализева и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. «Жизнь и судьба» соединяет в себе черты разных типов романа – исторического, социально-политического, философского, психологического, антиутопии, семейного, лирико-публицистического, что свидетельствует о его синкретизме. Жанр романа, романная свобода в изображении мира позволили Гроссману воплотить в своем произведении идею свободы как базовую человеческую ценность. В книге нашли свое отражение и черты эпические: многосюжетность, многогеройность, сочетание батальных сцен и деталей быта; пласты художественного изображения и авторских отступлений социального, исторического и философского характера; вымышленные персонажи как носители черт реальных прототипов; сочетание документализма и вымысла.

2. Художественное время и пространство в книге выполняют изобразительную и сюжетобразующую функции. Фабулу определяет сама история; ключевые вехи – «до войны», «в войну», «после войны». Присутствуют различные формы художественного времени: биографическое, историческое и социальное (характеристика эпохи и поколения военного времени, крупных событий в жизни общества), космическое (представление о вечности), календарное (смена времен года), суточное. Пространственный охват огромен: ставка Гитлера в Берлине, Кремль, Москва, Саратов, Лубянка; еврейские гетто, фашистские концлагеря, оккупированные земли, научные

лаборатории, квартиры эвакуированных ученых в Казани. Одним из главных является хронотоп Сталинграда.

3. Народный характер войны нашел свое отражение на всех уровнях структуры книги – от объемных сюжетно-композиционных пластов до разнообразных элементов поэтики (эпитетов, метафор, оксюморонов, сравнений, антитез, повторов, гипербол, литот и т. д.). Повтор становится основополагающим принципом поэтики исследуемого романа (повторяются/противопоставляются слова, мотивы, ситуации, герои, сюжетные линии), как и связанная с ним антитеза: основное значение, которое она несет в романе, – выражение тотального раскола, потери целостности как на уровне социально-историческом (личность – государство, человек – фашизм), так и экзистенциальном, моральном, философском (раскол внутри человеческой души).

4. Принцип сопоставления реализуется у Гроссмана в наличии внутреннего конфликта персонажей, в противопоставленности сознания и подсознания, войны и тыла, русских и немцев, людей и животных, человека и природы, человека и фашизма, внешнего и внутреннего, подлинного и мнимого, метафизики и натурализма. Соотнесение контрастных начал проявляется и в предметной изобразительности, образной системе, речевых формах, композиции, поэтических средствах, формах психологизма. Оксюморон же позволяет Гроссману показать диалектическую сущность явлений, отразить суть своего понимания человека и эпохи как олицетворения противоречий, разлада, трагических контрастов. Весь мир в интерпретации писателя предстает как воплощенная фигура оксюморона – непостижимого соединения несоединимого, что отражено посредством приемов монтажа и синхронизации.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались на ежегодных научных конференциях на

филологическом факультете Даггосуниверситета (Махачкала, 2009; Махачкала, 2016; Махачкала, 2017, Махачкала, 2018). По теме диссертации опубликовано 10 статей, 3 из которых – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации.

Структура диссертационного исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы (130 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность и научная новизна; называются объект и предмет исследования; формулируются цель и задачи; описываются методологическая основа, теоретическая и практическая значимость исследования; формулируются основные положения, выносимые на защиту; содержится информация об апробации работы.

Первая глава – «Жанровый синкретизм книги В. Гроссмана «Жизнь и судьба» – состоит из трех параграфов, в которых описывается романное начало произведения, эпическая доминанта в книге и интерпретируется время и пространство.

В первом параграфе главы – «Романное начало произведения» – исследуется жанровая природа «Жизни и судьбы». Обращенность автора к жанру романа неслучайна, так как художественная задача охвата больших пластов исторической жизни и жизни социума, поставленная автором, требовала сложных форм.

В повествовании Гроссмана можно выделить черты романа исторического, социально-политического, философского, психологического, семейного, романа-антиутопии, лирико-публицистического и др.

Существенным признаком исторического романа является дистанция во времени между писателем и изображаемой им действительностью. Для Гроссмана война 1941-1945 годов, непосредственным участником которой он

был, – это прошлое, пусть и не столь отдаленное. Действие в романе Гроссмана разворачивается на фоне масштабных событий Великой Отечественной войны, главные герои – лица вымышленные, хоть и имеющие реальных прототипов, а исторические деятели (Сталин, Гитлер и др.) непосредственно не появляются в повествовании, больше создают событийный фон. Характеры героев Гроссмана (в соответствии с историческим жанром) предопределены особенностями современной им эпохи: например, Мостовской, будучи продуктом революционной эпохи, категоричен в своих оценках. Гроссман стремится не только придерживаться документальных источников и передать колорит своей эпохи, но и проанализировать обусловленность настоящего и будущего страны ее прошлым.

Приверженность Гроссмана принципу историзма и жизненной достоверности предопределили особенности повествования. Документализм реализовался в укрупнении отдельных эпизодов, фрагментов, а также в фокусировке внимания на значительных для автора деталях.

Произведение Гроссмана включает в себя и черты социально-политического романа: главной целью здесь стало выражение авторской общественно-политической позиции.

Выражение философских взглядов автора, его целостной концепции обусловило наличие в книге признаков философского романа. Это, в частности, пристальное внимание писателя к интеллектуальной жизни героев и ее концептуальный анализ.

Нравственные метания героев книги, описанные Гроссманом, позволяют причислить роман к разряду психологических; также тонкий психологизм в повествовании является выражением авторского манифеста о самоценности всякой индивидуальности.

Кроме того, книга Гроссмана становится своего рода антиутопией – выражением пессимистических взглядов автора относительно будущего советского режима, а также судеб человечества в целом в XX веке.

Книге Гроссмана свойственны и черты семейного романа. Семья выступает в роли микросреды, влияние которой персонажи неизбежно испытывают, и на которую они воздействуют. Писатель подробно воспроизводит жизнь родов Штрумов и Шапошниковых. Специфика семейного романа позволяет Гроссману показать разрушительные тенденции внутри империи: смену идеологий убедительнее всего можно продемонстрировать на примере сменяющихся поколений, конфликта отцов и детей.

Книгу «Жизнь и судьба» можно характеризовать как лирико-публицистическое произведение. Лирическое начало здесь проявляется благодаря присутствию автора-рассказчика – лирического повествователя. Описания событий, судеб других людей даны сквозь призму собственного – авторского – восприятия. Благодаря этому в книге особым образом переплетаются лирические моменты с драматическими и эпическими.

Второй параграф главы – «Эпическая доминанта в книге Василия Гроссмана» – посвящен описанию эпического начала.

В основу сюжета книги Гроссмана положены исторические события, охватывающие период существования советского государства с начала 1930-х гг. до 1943 г. В центре повествования – время Сталинградской битвы. Боевые действия как таковые в романе отсутствуют, но само состояние войны понимается Гроссманом как испытание общенародного и общечеловеческого масштаба. Напомним, что именно с различными аспектами конфликтности была связана современная концептуализация эпического. Так, еще Гегель, рассуждая о сущности эпического состояния мира, указывал на обязательность присутствия в мире эпоса вражды, в том числе вражды между глубоко чуждыми друг другу нациями. При этом Гегель указывал, что эпическая вражда

должна иметь «всемирно-историческое оправдание», побуждающее один народ выступать против другого...»². Противостояние СССР и нацистской Германии в книге Гроссмана выдержано вполне в этом духе эпической «всемирно-исторической оправданности»; в этом контексте советские участники войны предстают как непрекаемые защитники общецивилизационных универсальных ценностей. Состоянием войны, по мнению Гроссмана, охвачено и само советское общество, все сферы жизни которого вычерчиваются в книге как конфликтные на всех уровнях взаимоотношений.

В «Жизни и судьбе» сосуществует множество равнозначных голосов, что создает полифонию и придает масштабность повествованию. Таким образом, сюжет исследуемой книги можно считать многолинейным.

Авторская позиция в целом выстраивается в традиции эпической повествовательной аксиологии, подразумевающей, в частности, медиативную роль эпического повествователя, выступающего как «своего рода посредник между слушателями (читателями)», как «свидетель и истолкователь всего происшедшего»³.

Гроссман как эпический повествователь занимает не только конфликтную позицию, но воссоединяется и с народными ценностями. При этом следует понимать, что положительный образ «народа» не ассоциируется с массой. Народ у Гроссмана состоит из отдельных свободных индивидуумов – личностей, людей. Именно такой народ играет в исследуемом произведении определяющую роль и показан автором как основная движущая сила победы. В этой связи вполне уместно и справедливо утверждение А.Г. Бочарова, писавшего о народоцентристской позиции Гроссмана⁴. Но равносильно здесь и

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике / Г.В.Ф. Гегель. Л.: Наука, 2007. С. 375.

³ Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. М.: Издательский центр «Академия», 2013. С. 303.

⁴ Бочаров А.Г. Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба / А.Г. Бочаров. М.: Советский писатель, 1990. С. 46.

романное начало, связанное с автономизацией личности в обществе, ростом «самости».

В книге Гроссмана образы природы постоянно выступают в соотнесенности с миром человеческим, функционально напоминая о традиционном эпическом параллелизме. Представляется, что пейзажи, образы природного мира в книге Гроссмана могут рассматриваться в связи с реализацией его авторских установок как еще одна грань фиксации его авторской позиции в контексте эпизации повествования. Характерно, что именно на эпическом параллелизме основана рамочная конструкция книги «Жизнь и судьба». Так, повествование начинается эпически спокойно: «Над землей стоял туман»⁵ и завершается фразой: «Они стояли, держа кошелки для хлеба, и молчали»⁶. Последняя фраза наполнена символическим смыслом: «кошелки для хлеба» – это символ вечной жизни, за которую сражаются солдаты.

Повествование у Гроссмана разомкнуто во времени; автор, хотя и ставит точку, но читатель может додумывать продолжение сюжетных линий. Закономерно, что финал произведения остается открытым, как это часто бывает в эпических произведениях; открытый финал книги Гроссмана отражает бесконечность круга жизни, ее цикличность и повторяемость, хоть и на новых витках.

В третьем параграфе главы – «Интерпретация времени и пространства» – рассматриваются хронотопические особенности книги.

В произведении «Жизнь и судьба» выделяется время социальное. В его основе лежат изменения в обществе, обусловленные волей и действиями человека. Измеряется оно не минутами, часами и годами, а такими категориями, как эпоха, поколение, жизнь. Их-то и исследует в своей книге

⁵ Гроссман В.С. Жизнь и судьба / В.С. Гроссман. М.: Книжная палата, 1989. С. 15.

⁶ Там же. С. 653.

Гроссман. Социальное время выдвигает определенные требования к своим «сыновьям» и «пасынкам» времени. Многие герои – Крымов, Мостовской, Неудобнов, Гетманов, Шишаков, – идут нога в ногу с этим временем. В какой-то момент некоторые из них неожиданно оказываются за бортом, как Крымов, который вдруг осознает, что его время прошло, и он, представитель «ленинской гвардии», живет не в свою эпоху.

Время в романе есть определяющий фактор для разнообразных поступков персонажей. Но это лишь кажущаяся тотальная зависимость от времени: на самом деле, Гроссман как раз доказывает своим романом, что у людей всегда есть свобода выбора.

Социальное время в повествовании Гроссмана можно соотнести с психологическим временем, связанным с индивидуальным восприятием. Оно отражает не длительность события, а то, как ощущается его течение. Таким образом, социальное время в повествовании Гроссмана не течет равномерно от прошлого к будущему, но всегда отражает «личное» время героя.

У Гроссмана мы имеем дело с перцептуальным временем, то есть сферой субъективного восприятия действительности отдельными людьми. Время ожидания радостных, позитивных событий томительно удлиняется, а нежелательных и страшных – сокращается.

В произведении Гроссмана противопоставлены биографическое время и время-вечность, что не ново для литературы, но обыграно писателем в свойственной ему оригинальной манере. У биографического времени, которым наделены люди, как правило, есть только прошлое и настоящее. У вечности же, в изображении Гроссмана, есть собственный цвет и своя температура: это ровная, лишенная каких-либо красок белизна и холод снега.

Что же касается исторического времени, то в произведении Гроссмана реальные исторические события (репрессии, коллективизация, война) непосредственно входят в ткань произведения, и время действия

конкретизируется вплоть до года и месяца, даже до дня, так как в формажорных ситуациях точное времяисчисление имеет очень большое значение.

До войны, в войну, после нее – ключевые вехи во временной шкале романа. Писатель противопоставляет довоенное и военное время. Война, по Гроссману, обнажила те негативные процессы, которые давно зрели в обществе и дали, в итоге, свои плоды. Кроме того, раскол пришел и в души.

Пространственный охват действия в исследуемой книге эпически широк: Москва, Берлин, Сталинград, Саратов, Казань, Лубянка, еврейские гетто и фашистские концлагеря. Все перечисленные типы локусов – это своего рода символы и метонимии определенного образа жизни и способов выживания в условиях военного времени.

Центральными в романе являются хронотоп концлагеря, как пространства, олицетворяющего собой орудие государства по приведению людей к единомыслию; еврейское гетто; газовая камера. Одним из основных является хронотоп Сталинграда; в финале он прочувствован в качестве «мирового города», олицетворения несокрушимой свободы. Значение одержанной здесь победы получает космологическое осмысление, открывая через призму частных человеческих проявлений метафизическую, вневременную суть войны.

Вторая глава – «Особенности проблематики в романе Гроссмана «Жизнь и судьба» – состоит из трех параграфов, в которых исследуются: тема свободы, насилия и форм его воплощения в романе, а также проблемы репрессий, коллективизации и «национальный вопрос».

В первом параграфе главы – «Тема свободы» – описывается авторская концепция ключевой для писателя категории свободы.

В книге Гроссмана по мере развертывания художественного текста заглавие обретает символическое значение. Союз «и» здесь не соединительный, а разделительный: жизнь, в интерпретации писателя, – это стихийное, нерегламентированное начало, свобода во всем многообразии ее проявлений, а

судьба – то, что эту свободу структурирует, подавляет. Если традиционно считается, что судьба предопределяет развитие и ход жизни, то у Гроссмана видим обратное: всегда есть выбор, даже если он должен быть сделан между жизнью и смертью.

В центре произведения – свобода духовная, свобода мысли, которые то и дело подвергаются проверке на прочность. Свобода рассматривается Гроссманом в соотношении с такими категориями, как жизнь и смерть, патриотизм и национализм, родина и государство, судьба человека и народа.

Свобода – необходимое условие и в науке: показательное ее влияние на мышление, например, ученого, что в романе отразилось в образе Штрума. Будучи брошенным многими своими друзьями, преследуемый тоталитарной системой, Штрум наконец чувствует истинное освобождение и поступает по совести.

Моральную независимость демонстрирует заключенный Иконников. Он призывает к вечным духовным ценностям, которые, например, Мостовскому кажутся неуместными в застенках немецкого лагеря. «Дурья доброта»⁷ Иконникова аналогична доброте Христа. Теория Иконникова о «дурьей доброте»⁸ стала основой философской концепции романа «Жизнь и судьба». Таким образом, свобода вырастает у Гроссмана до метафизического принципа – силы, движущей эволюцией, Вселенной. Принцип свободы проявился и в творческом методе писателя.

Во втором разделе – «Насилие и формы его воплощения в книге «Жизнь и судьба» – анализируется проблема насилия, поднятая Гроссманом.

Конкретной и осязаемой формой насилия в романе является война. В изображении войны Гроссман избегает какой-либо мистификации и, тем более, романтизации: вместо упоминания Рока, иных иррациональных сил – вполне

⁷ Гроссман В.С. Жизнь и судьба / В.С. Гроссман. М.: Книжная палата, 1989. С. 310.

⁸ Там же.

определенные механизмы: фашизм, еврейское гетто. Потому картины существования евреев в лагере и высокотехнологичного механизма их истребления так достоверны и натуралистичны.

К другой форме насилия Гроссман относит тоталитарную систему. В условиях несвободы персонажи Гроссмана испытывают состояние отчуждения от социума, миропорядка, от того образа жизни, который признан правильным в какой-то конкретный период времени в конкретном обществе (напомним, что в свое время М.М. Бахтин указывал на перестройку образа героя в романе, его отчужденное состояние от «сложных и противоречивых условий становящейся действительности»⁹).

В третьем разделе – «Проблемы репрессий, коллективизации и «национальный вопрос» в романе» – освещается описанный Гроссманом кризис в трех сферах – религиозной, научной и революционной.

Писатель указал на взаимообусловленность таких явлений в жизни страны, как репрессии 30-х годов и отступления армии в начале войны (1941–1942 годы) до Москвы и Сталинграда. О репрессиях 1937 года в романе говорится как о закономерном следствии злоупотребления властью. Почти всех персонажей Гроссмана коснулись репрессии: арестованы несколько членов семьи Шапошниковых, у радистки Кати репрессирован отец, гибнут родители и сестры Ершова, а те, кто осуществляет эти аресты, поднимаются по карьерной лестнице. Главным злом такой порочной системы, по мнению Гроссмана, стало порождение целой армии доносчиков и клеветников.

Гроссман затрагивает в своем повествовании и проблему коллективизации, результатом которой стали голод и обездоленные хозяйства по всей стране.

Холокосту в романе Гроссмана принадлежит центральное место. Писатель много внимания уделяет описанию национал-социалистов и последствий их

⁹ Бахтин М.М. Теория романа (1930-1961 гг.) // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 645.

ненависти к «расово несовершенным». Писатель при этом делает ошеломляющие выводы философского, метафизического характера: «Теперь они чувствовали себя новыми богами – свободными, независимыми от голоса совести, независимыми от тех, кто напоминал им о моральных заповедях. Со смертью евреев был заочно казнен и Бог»¹⁰.

Описывая трагедию евреев и других народов, Гроссман приближался к тому «чуду отдельного человека»¹¹, которое озарило, например, Софию Левинтон на пороге газовой камеры. Снова звучит пронзительное в своей безусловной любви ко всему живому утверждение/озарение не то самой героини, не то автора: «Человек существует как мир, никогда никем неповторимый в бесконечности времени. Лишь тогда он испытывает счастье свободы и доброты, когда находит в других то, что нашел в себе»¹².

Третья глава – «Особенности речевой структуры романа В. Гроссмана» – состоит из трех параграфов, в которых освещаются речевая структура романа как форма авторского повествования, идейно-художественные функции изобразительно-выразительных средств, контраст и парадокс как основа авторской концепции человека и мира в романе.

В первом разделе главы – «Речевая структура романа В. Гроссмана как форма авторского повествования» – характеризуется образ автор и способы его реализации в произведении.

Сдержанность авторского повествования контрастирует с чудовищностью излагаемых фактов. Стиль Гроссмана можно определить как отсутствие «самовыражения».

В книге Гроссмана делается акцент на психологизме, субъективном преломлении событий, осуществляемых посредством внутренних монологов, психологических портретов, пейзажа, определенной образной системы,

¹⁰ Гроссман В.С. Жизнь и судьба / В.С. Гроссман. М.: Книжная палата, 1989. С. 111.

¹¹ Там же. С. 410.

¹² Там же. С. 567.

особенностей композиции произведения. Тип мышления, разворачиваемый перед читателем, тяготеет к историко-аналитическому.

Кульминационными точками в романе являются диалоги. Они разбросаны по всему повествованию. Среди знаковых – диалоги Штрума и Чепыжина – о науке и ее значении в период войны, Даренского и Бова – о силе бюрократизма и др.

При том значении, которое Гроссман придает индивидуальному субъективированному восприятию описываемых событий, большой вес приобретают внутренние монологи героев. В книге Гроссмана монологи обретают форму «говорения» для себя самого: или вслух, или чаще всего «про себя». Они представляют собой отклик на чьи-то слова, услышанные ранее, и одновременно являются репликами в рамках потенциальных диалогов.

Помимо диалогов и монологов, которые доминируют в тексте, Гроссман обращается и к художественному описанию. Он с особой тщательностью вырисовывает военные будни сталинградцев, которые, находясь под пулями, продолжают жить обычной жизнью, что спасает их от безумного внутреннего напряжения. Писатель подводит читателя к вполне определенному выводу: люди духовно спасаются и ощущают себя гармоничной частью природы и Вселенной не тогда, когда растворяются в общем обезличенном потоке истории, а когда сознательно отграничиваются от него, противопоставляются массе.

Во втором параграфе главы – «Идейно-художественные функции изобразительно-выразительных средств» – представлен анализ некоторых средств поэтики в книге.

Большинство тропов в произведении Гроссмана несут негативную эмоциональную окраску, что связано с драматизмом переживаний в описываемый период. Гроссман использует эпитеты, метафоры, оксюмороны, многочисленные сравнения; экспрессивно-выразительной функцией

наделяются и различные элементы сюжетно-композиционной структуры (повторы, элементы монтажа и т.д.); ряды однородных членов, соединенных бессоюзной связью; усложненные синтаксические конструкции.

Гроссман прибегает к помощи разнообразных эпитетов – прямых и метафорических, эмоциональных, изобразительных.

Так, с помощью эмоциональных эпитетов писатель часто характеризует глаза. Глаза Грекова, например, описаны как «прекрасные, человечные, умные и грустные»¹³, в отличие от недобрых глаз Гетманова, в которых «много пронзительного, живого»¹⁴. В память Александре Штрум врезаются разные взгляды из толпы, которыми сопровождают евреев, сгоняемых в гетто: «В этой толпе равнодушных глаз не было: были любопытные, были безжалостные, но несколько раз я видела заплаканные глаза»¹⁵.

Нанизывание однородных, ярко экспрессивных эпитетов («ошеломляющие, неожиданные, страшные и нелепые слова»¹⁶; «нелепый, отвратительный разговор»¹⁷) – характерная черта идиостиля Гроссмана.

Изобразительные эпитеты в исследуемой книге также несут эмоциональный, символический подтекст, тесно переплетаются с эпитетами оценочными: так, страдающая Людмила Штрум ищет и не находит сочувственного отклика у «огромного, пустого неба, у «безжалостной, пыльной»¹⁸ земли.

Излюбленным приемом Гроссмана являются лексические повторы. Повторы помогают ему выделить и акцентировать наиболее важные звенья предметно-речевой ткани произведения. Среди таких смысловых акцентов, разбросанных по всему повествованию, следующие слова и мотивы: «дружба»,

¹³ Гроссман В.С. Жизнь и судьба / В.С. Гроссман. М.: Книжная палата, 1989. С. 316.

¹⁴ Там же. С. 76.

¹⁵ Там же. С. 65.

¹⁶ Там же. С. 300.

¹⁷ Там же. С. 301.

¹⁸ Там же. С. 74.

«страх», «никогда», «жизнь», «люди», «русский», «евреи», «почему», «любовь», «доброта», «сила», «нет» и др.

Часто повтор одного и того же концепта приводит к его полному переосмыслению, порой даже прямо противоположному. Такой прием отражает, в частности, восприятие автором мира как соединения полярностей. К примеру, слово «дружба», многократно повторяясь в нескольких абзацах авторского рассуждения, «отсвечивает» от собственного смысла и обретает антонимичное значение: «Дружба! Сколько различий в ней... В чем же дружба? Только ли в общности труда и судьбы суть дружбы? Ведь иногда ненависть между людьми, членами одной партии, чьи взгляды отличаются лишь в оттенках, бывает больше, чем ненависть этих людей к врагам партии»¹⁹.

Одним из самых повторяемых слов в романе, особенно там, где речь идет о существовании евреев в гетто, становятся слова «страх» и «бояться» («И тут же – бессилие, замагниченность, послушное чувство закормленной и забалованной скотины, страх перед новым разорением жизни, страх перед новым страхом»²⁰). О страхе многое мы узнаем из последнего письма матери Штрума. Но страх так же властвует и за проволокой: это чувство, которое руководит Виктором Штрумом, его коллегами по лаборатории и институту. Страх пропитывает все сферы жизни героев, и это находит свое наглядное подтверждение в виде повторов данной лексики на всем протяжении книги. Контекстным антонимом-противовесом слову «страх» выступает материнский наказ-мольба сыну – «живи» («Живи, живи, живи вечно...»²¹).

Что касается синтаксиса в исследуемом произведении, то он довольно громоздкий, так как является инструментом психологического, философского, социально-политического анализа. Отметим обилие предложений со множеством однородных членов, соединенных бессоюзной связью, как

¹⁹ Там же. С. 271.

²⁰ Там же. С. 628.

²¹ Там же. С. 71.

олицетворение соединения несоединимого: «Тишина породила множество звуков, казавшихся новыми и странными: позвякивание ножа, шорох книжной страницы, скрип половицы, шлёпанье босых ног, скрип пера, щелканье пистолетного предохранителя, тиканье ходиков на стене блиндажа»²². За всем этим хаотичным нагромождением явлений, предметов и фактов проступает некая первома́терия – масса.

В третьем параграфе главы – «Контраст и парадокс как основа авторской позиции в книге «Жизнь и судьба» – описываются ключевые для поэтики Гроссмана и для понимания его философии изобразительно-выразительные средства.

Дисгармоничное видение мира у Гроссмана прослеживается не только в переносимых героями Гроссмана страданиях и потерях, неизбежных во время войны, но и во внутреннем, глубинном расколе, переживаемом ими. Про многих героев исследуемой книги можно сказать, что «их жизнь, казавшаяся единой, вдруг раскололась»²³. Данный тезис получает свое художественное воплощение в повествовании с помощью антитез, оксюморонов, парадоксов.

Антитеза становится у Гроссмана главным принципом построения не только отдельных частей, но и всего романа в целом. Неслучайна антитеза и в заглавии книги.

Антитеза у Гроссмана ставит понятия в отношения контраста. Так, конфликтуют местоимения «я – мы», символизируя отношения целого и частного, а также олицетворяя единство целого и одновременно раскол внутри целого. «Я» – это отдельная личность, со всеми своими слабостями и страхами, своей уязвимостью, – самоценная единица, «мы» – олицетворение государственности – того самого «мы», которое, по мнению Гроссмана, всегда стремилось растворить в себе индивидуума.

²² Там же. С. 496.

²³ Там же. С. 87.

Схожий с антитезами «живое – неживое», «я – мы» смысл имеет пара «человек – фашизм». Это контекстные антонимы. Гроссман, как мы видим, часто ставит далекие, о сути, понятия в отношения контраста, конфликта, потому в его произведении немало контекстных антонимов («В бою секунды растягиваются, а часы сплющиваются»²⁴).

В роли контекстных антонимов у Гроссмана выступают, например, однокоренные слова «добро» и «доброта»: первое есть ложно понятое представление, более близкое к общественному благу. Потому Иконников восклицает: «Я не верю в добро, я верю в доброту!»²⁵. Перед нами сопоставительная функция, осуществляемая парой однокоренных слов.

Разновидностью антитезы является оксюморон. То, что Гроссман часто прибегает к помощи названной фигуры, закономерно, если вспомнить, что в основе его концепции человека и эпохи – противоречие, разлад, трагические контрасты. Весь мир, в трактовке Гроссмана, построен по закону оксюморона, когда соединяется несоединимого.

В основе оксюморона лежит чаще всего парадокс. Парадоксов в романе Гроссмана немало, и носят они трагический характер.

Одним из лейтмотивов романа «Жизнь и судьба» становится попеременное сравнение-противопоставление людей и животных. Животное как объект изображения наряду с образом человека и другими явлениями окружающего мира для Гроссмана имеет ценностно-смысловую характеристику. Его герои через предметы анималистического мира смотрят на самих себя, словно отражаясь в кривом зеркале. Гроссман показывает, насколько животные ближе к своей истинной природе по сравнению с людьми, которые то и дело идут наперекор естественному поведению.

²⁴ Там же. С. 38.

²⁵ Там же. С. 23.

Масштаб описываемых трагедий и контрастов противопоставляемых понятий и явлений требовал от Гроссмана употребления гипербол и литот. Одна из самых частых – это гипербола, характеризующая мощь тоталитарного государства и одновременно литота, свидетельствующая о ничтожности человеческой единицы в подобном государстве.

Использует Гроссман и метафоры, развернутые метафоры, а также метафоры в несобственно-прямой речи.

На контрасте строятся отношения между внешней сдержанностью авторского повествования и насыщенной эмоциональностью его содержания.

Сопрягая разные пласты повествования, Гроссман использует технику монтажа. Монтаж способствует созданию особой пространственно-временной среды, служит для более убедительной демонстрации читателю объективных связей между предметами или явлениями, а также создания образной системы акцентов.

В заключении подводятся итоги исследования.

Анализ произведения Гроссмана позволяет сформулировать следующие выводы:

1) В книге присутствуют черты разных типов романа – исторического, социально-политического, философского, психологического, семейного, романа-антиутопии, лирико-публицистического и др., так что следует говорить о синтетичности избранного жанра. Романная свобода в изображении мира позволили Гроссману использовать эту свободу, в том числе для воплощения идеи свободы, провозглашенной писателем в качестве базовой человеческой ценности.

В своей книге автор воссоздает реалии войны и мира сквозь призму эпохи и восприятия типологически значимых героев. Превыше всего Гроссман ценит способность личности противостоять общему течению, а не растворяться в нем. Подобная концепция общего и частного приводит к тому, что и война в целом,

и отдельные сражения писатель изображает в зеркале по-разному соотносящихся индивидуальных сознаний.

Писатель коснулся широкого круга проблем – общественно-политических, морально-этических, национально-исторических, общечеловеческих, философских и т.д., что вполне соответствует эпическому размаху выбранного им жанра. В книге присутствуют и другие эпические черты: наличие конфликта, многогеройность, многосюжетность, авторские отступления и т.д.

2) Художественное время и пространство в исследуемой книге играют изобразительную и сюжетообразующую роли. В книге Гроссмана можно констатировать наличие образов, принадлежащих биографическому, историческому и социальному, космическому, календарному, суточному времени. Присутствует представление о соотнесенности прошлого, настоящего, будущего.

Пространственный охват огромен. Одним из главных является хронотоп Сталинграда.

3) Гроссман использует следующие средства выразительности: эпитеты, метафоры (прямые и метафорические, эмоциональные, изобразительные), оксюмороны, сравнения, различные сюжетно-композиционные средства, усложненные синтаксические конструкции. Повтор становится основополагающим принципом поэтики исследуемого романа.

4) Соотнесение контрастных начал присутствует почти в каждом компоненте произведения, в том числе в названии книги, образной системе, композиции, поэтических средствах, формах психологизма. Основным принципом построения отдельных фрагментов, глав повествования становится антитеза. Оксюморон же позволяет Гроссману отразить суть своего понимания человека и эпохи как олицетворения противоречий, разлада, трагических контрастов, соединения несоединимого.

**Основные положения диссертации отражены в следующих
публикациях:**

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Абдуллаева С.Н.* Время в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»// Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2012. № 2. С. 70–74.
2. *Абдуллаева С.Н.* Роман-эпопея В. Гроссмана как собрание жанров// Мир науки, культуры, образования. 2017. № 1 (62). С. 298–299.
3. *Абдуллаева С.Н. Мазанаев Ш.А.* Контраст и парадокс как основа авторской концепции и формы их воплощения в романе-эпопее В. Гроссмана «Жизнь и судьба»// Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 334 – 336.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

4. *Абдуллаева С.Н.* Оборона дома «шесть дробь один» как один из ключевых моментов Сталинградской битвы в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»// Проблема жанра в филологии Дагестана: Сб. статей / Под ред. Ш.А. Мазанаева. Махачкала: Радуга - 1, 2009. С. 175 – 177.
5. *Абдуллаева С.Н.* Национальный вопрос в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Проблема жанра в филологии Дагестана: Сб. статей / Под ред. Ш.А. Мазанаева. Махачкала: Радуга-1, 2016. С. 14 – 16.
6. *Абдуллаева С.Н.* Концепция свободы в романе-эпопее В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Вестник Дагестанского Государственного университета. 2016. Серия 2. Гуманитарные науки. С. 92 – 94.
7. *Абдуллаева С.Н.* Сталинградская битва как кульминация и основа философской концепции книги В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Проблема жанра в филологии Дагестана: Сб. статей / Под ред. Ш.А. Мазанаева. Махачкала: Радуга-1, 2017. С. 10 – 16.
8. *Абдуллаева С.Н.* Особенности композиции романа-эпопеи В.

Гроссмана «Жизнь и судьба» // Проблема жанра в филологии Дагестана: Сб. статей / Под ред. Ш.А. Мазанаева. Махачкала: Радуга-1, 2017. С. 16 – 23.

9. *Абдуллаева С.Н.* Эпопейное начало в произведении В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Проблема жанра в филологии Дагестана: Сб. статей / Под ред. Ш.А. Мазанаева. Махачкала: Деловой мир, 2018. С.36 – 39.

10. *Абдуллаева С.Н.* Оксюморон как выражение авторской концепции мира в романе-эпопее В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Проблема жанра в филологии Дагестана: Сб. статей / Под ред. Ш.А. Мазанаева. Махачкала: Деловой мир, 2018. С. 39 – 41.